

У лирика Коржавина, любимого друзьями за искренность, случилась редкая судьба гражданского поэта. Тем более особая, что многое из того, что мы сегодня о себе знаем, он сказал первым. Задолго до Солженицына! При этом Коржавин был моложе и никогда не скрывал романтической привязанности к идеалам революции («высокая вера в иные начала, о, как неохотно она умирала!...»).

И надо же, еще подростком не поверил, «когда насквозь неискренние люди нам говорили речи о врагах». Уже отбыв срок за стихи и пережив ссылку, он — опять не ко времени! — окончательно расстался со своими коммунистическими иллюзиями. Честные соотечественники тоже расставались, но всего лишь со Сталиным, дышали отпелелью, предчувствием шестидесятых, новой верой в «социализм с человеческим лицом». А он, проникая вглубь болезни, как бы проделав на публике операцию на собственном сердце и, препарировав природу своего разочарования, с горечью писал о людях, которые «меры не знали», и о крахе гигантского эксперимента над историей. Емким словом «Нетерпение» Юрий Трифонов потом назовет свой роман о народолюбцах, но первым его все-таки произнес Коржавин, с беспощадной точностью обозначив им «ту тягу к добру, что приводит к несчастью». Жаль, что его тогда плохо слушали, а многие так и не дослушали и не додумали сказанного и по сей день. Впрочем, издавали Коржавина мало, и можно только удивляться, как его стихи все-таки пробивались к массовому читателю, впечатываясь в память поколения в виде поэтических формул, которые интеллигенция заветовала раньше, чем становилось известно имя автора. И «Суровый жесткий человек, не понимавший Пастернака» (за эти стихи о Сталине его и посадили), и «Никто нас не вызовет на Сенатскую площадь», и «Были ты видою довольно противен», и «Кони все скачут и скачут, а избы горят и горят», и «Пушкинская легкость, в которой тяжесть преодолена», и строки «Об историческом недосыпе»...

В начале 70-х он во второй раз не по своей воле покинул Москву, на этот раз в западном направлении, и с тех пор живет за океаном в Бостоне (США). Живет по-прежнему Россией. Недавно отменил в Москве семидесятилетие. Тему беседы с корреспондентом «ОГ» определил сам — государственность и интеллигенция.

— Сто семьдесят пять лет назад на зависть тебе кого-то позвали на Сенатскую площадь. Тогда и родилась российская интеллигенция в том понимании, какое отличает ее, скажем, от сегодняшних интеллектуалов?

— Ну, я не датировал бы это

Та тяга к добру, что приводит к несчастью

Наум Коржавин о российской интеллигенции

рождение четырнадцатым декабря. Ведь уже и раньше был Радищев. Вообще история русской интеллигенции — трагическая даже не в том смысле, что ее притесняли, ее не всегда притесняли, а в смысле положения, в котором она находилась. Интеллигенция ведь дочь очень противоречивого указа «О вольности дворянской», когда освободили дворян от службы, от податей разных, а все остальное население не освободили ни от чего. Так вот, трагедия интеллигенции в том, что она всегда была против того, что ее породило. Но история — это другая тема. Я только хочу сказать, что в процессе отстаивания самой себя, поскольку русская интеллигенция всегда боролась с государством, у нее, хотя и не у всей, но у большей ее части, пропало само понимание необходимости государства, государственности. Более серьезными оказались земские интеллигенты. Они работали в реальном мире. Они были либералами, но понимали сложность жизни.

— Тогда чем объяснить, что из этого мало что получалось? До земской интеллигенции желали практически помочь государству и другие, например, славянофил Иван Аксаков. Написал потом об этом в стихотворении «Усталых сил я долго не жалел». Не жалел, пока не убедился в тишине усилий — «за комаром бежим мы с топором, за мухою гоняемся с обухом». И посетовал, что «спит желанный гром»...

— Вот-вот. Интеллигенция жила ожиданием, и мало кто понимал, что революция — это несчастье. В начале XX века до этого додумалась «веховская» интеллигенция. Она осознала революцию как бунт неиспользованных возможностей. Многие понимали, что, как сказано у Мандельштама, «вернее труд и постоянство».

Интеллигенция в 17-м очень плохо понимала и очень плохо понимает до сих пор, что такое государственность и что для нее нужно, начиная с территории. Территория — это ведь тоже элемент государственности, и нельзя ее кромсать как угодно и думать, что государство уцелеет. Государство все-таки складывалось как-то, и нельзя просто так взять и устроить из России Швейцарию. А в 17-м году интеллигентская Дума, в сущности, толкнула государство в хаос.

Ходил русский интеллигент по улицам, скажем, Питера — а полицейский стоял на углу, а воры, в основном, сидели в тюрьмах, и всякое случалось, но был порядок. Русский интеллигент считал, что это вроде природного явления. Но порядок соблюдало государство, и никто не мог

ворваться к тебе в дом и сказать — теперь я буду здесь жить, а ты уходи к чертовой матери, иначе в морду дам. Анархия — это кто палку взял, тот и каприз, а вовсе не свобода. Свободу может обеспечить только свободное государство, охраняющее права людей. Надо, чтобы человек понимал значение государства, зачем оно существует, чем живет, что оно может, чего не может.

— Но тебе ли не знать, что претензии интеллигенции не всегда беспочвенны. Да ведь если уж мы касаемся истории, и декабристы не от скуки вышли на Сенатскую площадь.

— Декабристы — иное дело. Там все-таки было крепостное право, и это мучило совесть любого человека. Я о другом говорю. Я против политического мистицизма. Против иллюзии, что придет революция и все разрешит. Революция не прекрасная дама. Не разрешит.

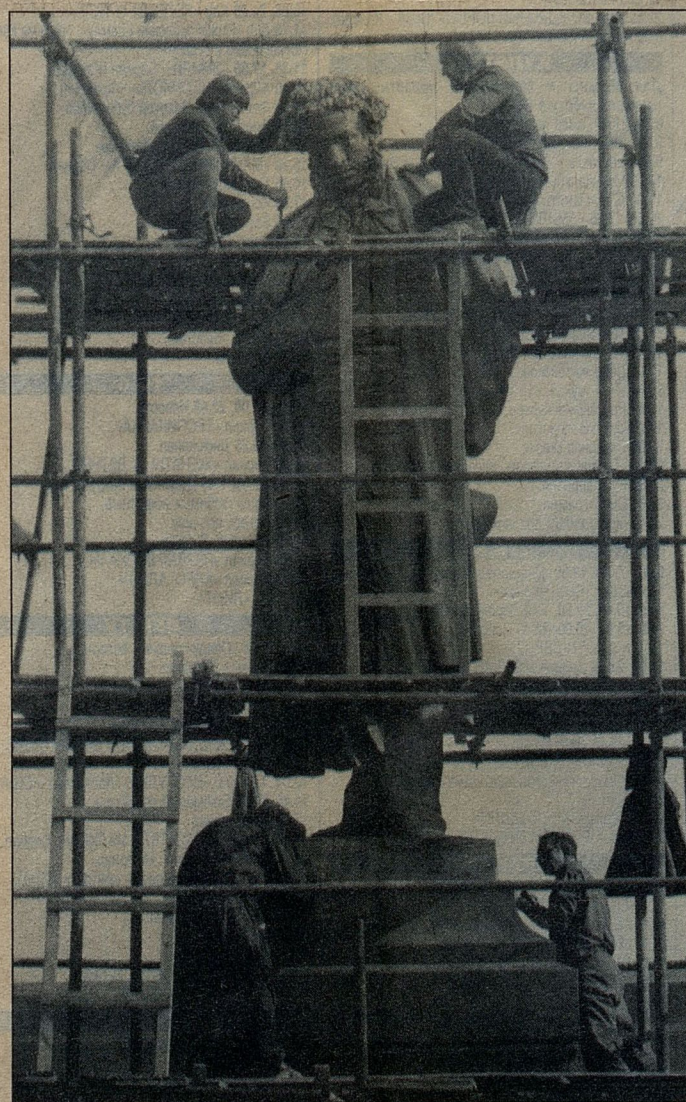
— Перестройка — это ведь тоже революция. Попытка приведения «мистической» роли государства к естественному положению вещей — защите прав и свобод человека.

— Интеллигенция не была готова к перестройке. Хотя все шло к тому и было ясно, что советская власть не навечно. На Западе уже происходили всякие симпозиумы о постсоветской ситуации, как будет все это развиваться. То есть ясно было, что система не работает, слишком много накопилось цинизма, и воровство по тогдашнему времени было гомерическим. Я когда-то сказал, что брежневщина — это сталинщина на свободе. Это сталинские выдвиженцы без сталинского кнута. Они воровали уже тогда, и воровали много. И сращение правоохранительных органов с криминалом уже тогда начиналось. Сталин уничтожил Россию, после этого можно было только ее возрождать, а вместо этого — казнокрадство.

Конечно, ситуация к перестройке была очень тяжелая. Вот Горбачев был государственный человек, но он боялся, понимал, с какой страной имеет дело. А от него требовали: даешь, даешь! Ведь к нему как относились? Свободу завоевали мы, а он у нас ее отнимает. А это не так. Если бы мы сами завоевали свободу, у нас и лидеры были бы настоящие, но мы не завоевали ее. Либеральная интеллигенция ее не завоевала, а получила. Интеллигенты не удержали власть.

— Горбачев сам в какой-то мере был либеральный интеллигент.

— Да. Но у Горбачева был опыт Андропова. Андропов ведь тоже хотел пойти на экономические реформы, и Горбачев, думаю, об этом знал. И когда Горбачев стал что-то делать, он понял, что ему не дадут, как не да-

ли Андропову. Он хотел быть осторожным, а ему опять кричали: даешь, даешь! Требовали делить страну. Лично я не считал, что кто-то выиграл оттого, что страну поделили. Конечно, прибалтам надо было дать какой-то статус особого района, они были готовы. А так везде процветает воровство, короче говоря, во всех республиках положение такое же, как в России.

— То есть в этих процессах роль российской интеллигенции кажется тебе ущербной?

— Обвинять нельзя, потому что не было ни опыта, ни навыков. И в то же время сама она должна с себя спросить. Потому что надо было все-таки думать, что происходит.

— Где бы ты, на какой стадии ощутил опасность и остановился?

— Я много раз об этом говорил — реформы Гайдара. Как это было сделано. И Беловежская пуца — это, конечно, преступление. Не захотели бы, никакая Украина бы не отделилась.

— Но ведь интеллигенция могла подумать, что выбор — дело самой Украины и ее народа, что по-

сле развала всех империй останавливать ее силой неинтеллигентно.

— А интеллигентно разорить всю страну? Мало ли чего кому захочется. Кроме прав человека должна быть сила, которая эти права охраняет, а это все-таки государство.

А то веселая команда Чубайса пришла и сказала всем: вы ничего не понимаете, вот мы все приватизируем, это и будет демократия. Такая демократия и получилась. Так плевать на народ нельзя.

— Ну, ладно. Концепция у тебя, я вижу, достаточно пессимистичная. «Вернее труд и постоянство», так ведь Мандельштам говорил это с грустью — поскольку «жертвы не тютят слепые небеса» (слепые!). Может, все дело в нежелании ничем пожертвовать ради демократии? Интеллигенция у нас и так долго жила во всех отношениях трудно, что инстинктивно боится новых жертв, тем более что почти все прошлые оказались напрасны.

— Жертвы приносятся, только жертвовать предпочитают поче-

му-то не самими собой. Надо было оставаться с народом, тогда возможно что-то контролировать, на что-то влиять. А мы не делали этого. Мы оставались среди умных, на своей великолепной кухне. Интеллигенция ударяется в эйфорию, вместо того чтобы думать. Политика — не для самовыражения, за это платят другие люди. Политика — очень мешанское дело, не поэтическое.

А когда государство отдают в руки комсомольцев — Чубайс к этому тоже причастен — и когда они начинают выдавать лицензии на вывоз полезных ископаемых, то есть на дивиденды, получая за это 99 процентов! Нигде такого не было... А поскольку страну разворовывают, то преобладают взгляды — назад в зад, там теплее.

— Поэзия, как ты говорил, ответ гармонии на дисгармонию мира. Но, может быть, и сама интеллигенция имеет свое, не столь прямое, но самостоятельное влияние на жизнь, на политику? Ты сам писал: «Мы опыт столетий, их горечь, их гуща...»

— Интеллигенция обязана влиять на жизнь тем, что создает в обществе ощущение истины.

P.S. Предвижу кое-что огорчение. Как? Человек, который в самые трудные годы жил по собственному высочайшему указу о вольности поэта, вдруг развивает охранительные мотивы, оберегая государство, и от кого? — от интеллигенции.

Ловить Коржавина на противоречии самому себе бесполезно, тем более что, говоря о роковых заблуждениях российского общества, он ни в коей мере не отделяет себя от него, ни от чего в своем прошлом не отказываясь, как сказал бы Пушкин, строк печальных не смывая. Противоречив получается не Коржавин, а мир, в котором ему (и нам) довелось жить. Впрочем, есть в его «противоречиях» и совсем особенные, он с ними родился. Например, жалел своих постаревших палачей: «Я с ними сам на тесных норах делил баланду и тоску».

Его недавно вышедшая книга называется «К себе».

Для недоверчивых — еще один фрагмент беседы, можно сказать, уже за ее пределами (диктофон работал).

— Знаешь, я приехал в Москву в 89-м году, присутствовал на одной встрече, где было много образованных людей. Я послушал их, и у меня вдруг непроизвольно потекли слезы. Не от расстроганности. Я понимал, они движутся к краю пропасти. А взглянул на них и увидел, что они счастливы! И ощутил боль.

Это — тоже Коржавин. Это — тот же Коржавин.

Беседовала
Ирина ДЕМЕНТЬЕВА